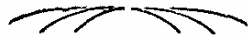

АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСѢВИЧЪ ШЕГОЛЕВЪ.

**Двѣ иллюстраціи къ бытовой исторіи
Шацкого края.**

И. Аносова.

Цена 1 руб.

ТАМБОВЪ

Электрическая типо-литографія Губернскаго Правленія.

— 1916 —

Двѣ иллюстраціи къ бытовой исторіи Шацкаго края.

Случайныя обстоятельства доставили мнѣ возможность приобрести вмѣстѣ съ разнымъ хламомъ два документа половины восемнадцатаго вѣка. *) Съ бытовой точки зрѣнія они настолько любопытны, что я рѣшилъ опубликовать ихъ.

Первый изъ этихъ документовъ представляетъ собою всеподданѣйшее прошеніе священника Терентія Сергѣева и въ высшей степени рельефно рисуетъ намъ нравственный и культурный обликъ тогдашнихъ пастырей и водителей русскаго народа.

Второй документъ рисуетъ намъ картину взаимоотношеній двухъ господствовавшихъ классовъ: помѣщиковъ и духовенства, при чемъ последнее очень часто было принижено до крѣпостного состоянія, его паства часто была орудіемъ его же угнетенія въ рукахъ помѣщика.

Оба документа печатаются мною въ транскрипированномъ видѣ съ исправленной орфографіей, но съ сохраненіемъ всѣхъ синтаксическихъ и лексическихъ особенностей.

Самыя исправленія орфографіи заключаются только въ устраненіи титловъ, раздѣльномъ писаніи союзовъ и предлоговъ съ прочими частями рѣчи и правильной разстановкѣ буквы «Ѣ»; во всемъ остальномъ рукописи воспроизводятся безъ всякихъ измѣненій.

*) Повидимому они принадлежали къ архиву рязанскихъ архіепископовъ и приобретены мною на базарѣ вмѣстѣ съ кучей старыхъ иллюстрированныхъ журналовъ.

*Всепресветлѣйшая Держави́ншая Великая Государыня
Императрица Елисаветъ Петровна Самодержица Всероссийская
Государыня Всемилостивѣйшая*

бѣтъ челомъ шацкаго уѣзду села Чернѣва дѣвчья монастыря церкви положенія честныя ризы Пресвятыя Богородицы поитъ Терентій Сергѣевъ, а о чемъ мое прошеніе, тому слѣдуютъ пункты:

I.

Въ нынѣшнемъ 1747-мъ году марта 25 дня, то есть на праздникъ благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, по отпавленіи литургии Божіи шель я именованный для нѣкоторыхъ необходимыхъ нуждъ въ Николаевской Чернѣвѣ монастырь ко игумену Аарону.

II.

И пришедъ въ тотъ Николаевскій монастырь, и въ то время усмотря того монастыря бѣлой діаконъ Илья Ивановъ да братъ его родной монахъ Павелъ, напавъ на меня именованнаго незнаемо за что или съ какого вымыслу, учали бранить словами и потомъ, ухватя за волосы и поваля на землю, топтали меня именованнаго и топтунами топтали безъ милости.

И не удовольствуясь тѣмъ ручнымъ боемъ показанной монахъ Павелъ бить дубиною смертельно, отъ котораго ихъ бою я именованный и еле живъ вставъ и вшедъ въ настоятельскую келью, о томъ смертномъ бою я именованный на опыхъ діакона и монаха Павла того монастыря игумена Аарона словесно просилъ, токмо они, діаконъ и монахъ Павелъ, надѣяся на свое озарничество, вѣдая смиренность онаго игумена въ судъ не пошли.

III.

Да и впродъ они діаконъ и монахъ Павелъ похваляются, гдѣ ихъ случай до меня именованнаго допустить, еще бить, хотять смертно жъ, отъ которыхъ похвальныхъ ихъ словъ я именованный и имѣю не малое опасеніе, чтобъ не убили до смерти.

И дабы *Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества* указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе дому преосвященнаго Алексія архіепископа рязанскаго и муромскаго въ духовной консисторіи принять и записать въ книгу, а за вышеобъявленными бойцами діаконъ Ильею и монахомъ Павломъ Ивановыми изъ оной консисторіи кого надлежитъ послать и о всемъ противъ сего моего прошенія о выписанномъ моемъ бою допросить: за что они меня именованнаго по литургисаціи смертельно били? А ежели они діаконъ и монахъ Павелъ учнутъ въ томъ чинить заирательство и я именованный буду въ доказательствѣ на то ихъ озарничество уличать свидѣтельствомъ.

Всемилостивѣйшая Государыня прошу Вашего Императорскаго Величества о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить.

1747 году сентября 3 дня прошеніе писалъ выписанной духовной консисторіи копейскъ Алексѣй Ивановъ, къ подаенію надлежитъ во оной же консисторіи.

По пунктамъ прошенія подписано: «къ сему прошенію и по пунктовымъ шацкаго уѣзду ризъ положенія дѣвчья монастыря поитъ Терентій Сергѣевъ руку приложилъ».

На прошеніи нѣтъ ни резолюціи, ни помѣтокъ, по которымъ можно было бы опредѣлить причины и результаты дѣла, но самъ по себѣ фактъ драки священника, діакона и монаха среди бѣла дня на монастырскомъ дворѣ и при свидѣтеляхъ достаточно ярокъ!...

Что должны были думать и чему поучаться пасомые, глядя на своихъ пастырей, публично вступившихъ въ рукопашный бой?! И въ какой день, день Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, день особенно чтимый народомъ, какъ праздникъ справедливости и милосердія! День, въ который нѣкогда растворялись двери темницы, выпускались и прощались преступники. *).

Святѣннаго Правительствующаго Синода члену Великому Господину Преосвященнѣйшему Паладію Епископу рязанскому и Шацкому.

*). И теперь еще сохраняется въ народѣ обычай отпускать въ этотъ день на волю пѣвчихъ птицъ.

Всепокорнѣйшее прошение
Шацкого уѣзду Воронежскаго Заказа села Никольскаго Усть-
Нанда тожъ дьячка Григорія Петрова о несправедливостяхъ.

Въ прошломъ 1768-мъ году въ мартѣ мѣсяцѣ по при-
сланному изъ шацкаго духовнаго правленія села Архашель-
скаго Вердеревшино тожъ къ пону Матвѣю Алексѣеву указу
допрашивать я, именованный, быть во свидѣтельствѣ по суд-
ному дѣлу, производившемуся въ воронежской губернской
канцеляріи по челобитью истца поручика Юва Арбенева съ
отвѣтчикомъ, жительствующимъ въ приходѣ нашемъ, въ де-
ревнѣ Ширяевой, лейб-гвардіи кантернамусомъ Василіемъ
Вышеславцовымъ, по ихъ ссылкѣ въ томъ, что въ опомѣ селѣ
Никольскомъ домъ господской кѣмъ построенъ; въ которомъ
допросѣ показано отъ меня по самой сущей правдѣ, что оной
домъ построенъ объявленными Арбеновымъ, то по той причи-
нѣ означенный Вышеславцовъ началъ на меня имѣть злобу и
принять мнѣ всякія обиды и чинить мнѣ изгону—а именно:
въ прошломъ 1769-мъ году въ слѣднее время посѣянную мною
тремя и покошенную на одной десятинѣ всю приказать
крестьянамъ своимъ рогатымъ скотомъ потоптать, кои то и
учинили, коему цѣна шестдцать рублей, и при томъ отня-
ли у сына моего, церковника Василія, двѣ косы по цѣнѣ на
одинъ рубль пятнадцать копѣекъ; а въ томъ же году декабря
26-го числа, то есть на другой день Рождества Христова, оной
же господинъ Вышеславцовъ, увѣдавъ, что сынъ мой, церк-
ovníкъ Василій, имѣлся приходу нашего въ деревнѣ Везни-
кахъ для славленія, и выслалъ дворовыхъ своихъ людей Яко-
ва Афанасьева, Семёна Казмина, Илью Филипова, и въ той де-
ревнѣ оного сына моего захватя и съ прилучившимся съ
нимъ танбовскаго уѣзду села Горѣлова однодворцемъ
Алексѣемъ Толмачевымъ и усиленно посадя въ свои сани,
били смертнымъ боемъ и, связавъ руки, привезли въ домъ
къ помянутому Вышеславцову въ деревню Ширяеву и, по-
сади въ избу и забивъ ноги въ большія колодки, потомъ
били обухами по ногамъ мучительски и, державъ въ тѣхъ
колодкахъ, морили голодомъ. А потомъ, хотя оного сына моего
привести въ большее изнуреніе, показанной кантернамусъ

Вышеславцовъ того сына моего и однодворца дворовому сво-
ему человѣку Ивану Казмину приказалъ отвезти въ шацкую
провинціальную канцелярію, который, везя того сына моего и
дорогою моря стужей и голодомъ и для продолженія въ томъ
изнуренія проѣхавъ въ городъ Шацкъ и необъявивъ оного сына
моего въ шацкой провинціальной канцеляріи, отвезъ отъ го-
рода Шацку въ вотчину свою, въ село Березово, и держали
подъ карауломъ въ ножныхъ колодкахъ семь дней, а отту-
ду объявленный дворовый человѣкъ Казминъ того сына моего
и однодворца объявилъ въ шацкой провинціальной канцеля-
ріи съ таковымъ напраснымъ оклеветаніемъ: якобы въ дер-
жаніи показаннымъ сыномъ моимъ Василіемъ невѣдомыхъ
людей, причтая и помянутого однодворца Толмачева невѣ-
домымъ, приклевавъ при томъ на оного однодворца невѣрку:
якобы въ краденыхъ воровскими людьми у крестьянина оного
Вышеславцова лошадей, но показанная шацкая провинціаль-
ная канцелярія, рассмотря по допросу сына моего и однодвор-
ца напрасное оклеветаніе, изъ той канцеляріи освободили въ
дома свои, а опредѣлила вѣдаться судомъ. А чрезъ то окле-
ветаніе объявленной сынъ мой претерпѣлъ невинное содер-
жаніе, а имѣвшуюся при сынѣ моемъ лошадь, мерина гнѣдо-
пѣлаго, которая цѣною стоитъ осемнадцать рублей, показан-
ной Вышеславцовъ при отсылкѣ въ шацкую провинціальную
канцелярію оставилъ у себя и завладѣлъ напрасно, о чемъ
отъ мене подано въ тамбовской провинціальной канцеляріи
явное прошеніе. А сего 1770 года июля 24 числа показанной
сынъ мой Василій вѣзидъ для кошенія травы на рѣчку По-
ничку съ наемнымъ работникомъ своимъ, генерала Федора
Григорьевича Колычева крестьяниномъ Аврамомъ, а чей сынъ
не упомяну,—то означеннаго Вышеславцева крестьяне Илья
Андреевъ, Романъ Логиновъ, Захаръ Афанасьевъ, Федосѣй
Михайловъ, Ульянъ Афанасьевъ, Семёнъ Андреевъ, Ларіонъ
Даниловъ, Тихонъ Никифоровъ, Аврамъ Чепочкинъ съ това-
рищи, человѣкъ до тридцати и болѣе, съ кошками и навезми
напавъ на оного сына моего, хотѣли убить до смерти; то уви-
дя, оный сынъ мой, ихъ такое намѣреніе и выпретави лошадь,
едва ускакала въ деревню Грушевку, а они крестьяне, вали

~~47566~~

до самой той деревни, токмо до боя того сына моего той деревни Грушевки помѣщика Ивана Никифорова сына Мосолова крестьяне не допустили, а вышеписанный работникъ мой, оставя телѣгу съ косами, прибѣжалъ ко мнѣ въ домъ, а какъ я именованный за показанною телѣгою для взятія послалъ сноху свою, а показаннаго сына моего жену, Акилину Осипову на другой лошади, то паки объявленные Вышеславцова крестьяне, напавъ на оную сноху мою въ томъ же мѣстѣ, гдѣ телѣга оставлена была,—били смертнымъ боемъ и младенца изъ рукъ выбили, коего почти мертвого подняли, а лошадь—кобылу рыжую—съ телѣгою и съ двумя косами, войлокъ, брусъ, шляпу—всего по цѣнѣ на пятнадцать рублей, отняли. А минувнаго августа 12 числа сего году онаго Вышеславцова крестьяне, Ивалъ Ивановъ сынъ Бугусинъ, Герасимъ Алексѣевъ, стадомъ господскимъ побили и потоптали яровой посѣнной хлѣбъ гречи на шестьдесятъ копенъ, изъ которыхъ по примѣру смежныхъ выходило умолотомъ по десяти четвериковъ, цѣна по шестьдесятъ копѣекъ за четверть, ячменню—на двадцать копенъ, по цѣнѣ на десять рублей, пшеницы—на десять копенъ, по цѣнѣ на десять рублей, проса—на пятнадцать копенъ, умолотомъ изъ копны по четверти, по цѣнѣ на пятнадцать рублей, да его Вышеславцова крестьяны сжато ржи на двадцать на пять копенъ, умолотомъ изъ копны по одной четверти итого на двадцать на пять рублей, овса на пятьдесятъ копенъ, умолотомъ по полторы четверти, каждая четверть по сороку по пяти копѣекъ. А того жъ августа 10 числа, какъ поминутая сноха моя Акилина Осипова имѣлась въ полѣ для жатвы своего ячменя, то онаго Вышеславцова крестьяне Андрей Фотиевъ, Осипъ Макаровъ, Гурій Степановъ, приѣхавъ на тотъ загонъ мой, объявленную сноху сѣкли кнутьями немилостивно и отняли три серпа, а работника моего Аврама, кой ѣхалъ съ сноюю съ хлѣбомъ, сѣкли жъ кнутами и взяли грабежомъ съ лошадей два хомута ременные, цѣна каждому по семьдесятъ копѣекъ; а потомъ того жъ августа 17 числа бывъ оная сноха моя паки на томъ же загонѣ для жатвы, то означеннаго Вышеславцова приказчикъ Семень Казминъ съ крестьяны Иваномъ Ивановымъ,

Герасимомъ Алексѣевымъ, захвати ту мою сноху, били шелью немилостивно и вмѣшавши на ней кресты и серьги серебряныя ограбили, а у работника моего того жъ августа 23-го числа его жъ Вышеславцова крестьяне Иванъ Аѳонасьевъ, Романъ Логиновъ, Захаръ да Ульянъ Аѳонасьевы, Семень Андреевъ, у работника моего Аврама отняли кобылу рыжую съ выноходью, стельтою и съ хомутомъ, цѣною на двѣнадцать рублей,—и за таковыми отъ выше писаннаго Вышеславцова людей и крестьянъ его нападками, боемъ и грабежомъ, какъ мнѣ, такъ и всѣмъ моимъ домашнимъ никуда въ поле выгнать не можно и совѣмъ привелъ въ крайнюю скудность,—того ради Вашего Преосвященства всепокорнѣйше отъ причинныхъ, показанныхъ помѣщикомъ Вышеславцовымъ людьми и крестьяны напрасныхъ обидъ и боѣ сына моего милостивымъ архиепископскимъ благословеніемъ зашити, ибо отъ выше сказанныхъ его обидъ и нападокъ пришелъ я именованный въ крайнюю бѣдность и разореніе. Декабря 2-го дня 1770 году. Прошеніе писалъ духовной Вашего Преосвященства консисторіи подъяческой сынъ Василий Алексѣевъ. Къ сему прошенію села Никольскаго, Усть-Навда тожъ, дьячекъ Григорій Петровъ руку приложить.

На первой страницѣ прошенія помѣтка: № 1320. Подано и слушано Его Преосвященствомъ декабря 2 1770 года.» а на послѣдней страницѣ рукой канцеляриста приписано: «Того жъ числа въ журналѣ записано: Его Преосвященство приказалъ въ должное показаннаго дьячка отъ предъявленныхъ имъ обидъ зашити съ прописаніемъ прошенія его къ старостѣ поповскому послать указъ, коему велѣтъ предписанному Вышеславцову пристойнымъ образомъ объявить, чтобъ онъ показанному дьячку Петрову, яко духовнаго званія челоуѣку и ни въ чемъ ему не подчиненному никакихъ обидъ и притѣсненій не чинилъ и если изъ предъявленнаго по поданному прошенію доводилно что ему дьячку причинено, то бѣ онъ въ томъ его удовольствовалъ, объясня при томъ: ежели онъ за симъ Его Преосвященства настояскимъ завѣщаніемъ объявленному дьячку будетъ причинять каковыя обиды и въ прежеказанныхъ его не удовольствуетъ, въ такомъ случаѣ

отъ Его Преосвященства поступлено быть имѣть на основаніи Духовнаго Регламента и указовъ по пастырской Его Преосвященства должности. Съ подлиннымъ читаль канцеляристъ Гаврило Полянскій.

Что нужно было сдѣлать, чтобы сельскій дьячекъ забывъ свое ничтожество и осмѣлился безпокоить своими жалобами архіерей?! Тѣмъ болѣе, что дьячекъ вѣдь зналъ, что у его владыки нѣтъ иного оружія, кромѣ увѣщанія...

Насколько это увѣщаніе было дѣйствительно, мы знаемъ изъ историческихъ примѣровъ, когда епархіальные архіереи вынуждены были даже примѣнять отлученіе отъ церкви, но... вольтерьянцы помѣшники только смѣялись надъ этимъ.

Какой непостижимой глубиной вѣры, непосредственности и безконечнаго упованія долженъ былъ обладать русскій народъ, чтобы, смотря на такихъ пастырей, не соблазниться и прощести свою вѣру чрезъ вѣка неизмѣнной.

Простой «некультурный» народъ сумѣлъ возвыситься разумомъ до вершинъ самопознанія человѣческаго духа и отдѣлать санъ и его обязанности отъ внѣшней грубой оболочки, именуемой человѣкомъ съ его страстями и пороками!

Межъ тѣмъ историческая перспектива совершенно не оставляла ему для этого данныхъ. Темный неграмотный людъ имѣлъ пожалуй не менѣе темныхъ (морально) водителей, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ. Чему обучалъ своихъ крестьянъ ихъ господинъ и отецъ—помѣщикъ и что могъ внушить этимъ же крестьянамъ своей жалкой особой и участію «духовный чинъ»—дьячекъ Петровъ?...

Я не стану ужъ дѣлать экономическихъ или социальныхъ выводовъ. И все же несмотря на все это, несмотря на бездну нищеты безправія и притѣсненій рабства, безпросвѣтной тьмы невѣжества въ этомъ бѣдномъ, жалкомъ, но въ самомъ въ своемъ убожествѣ въ великомъ русскомъ народѣ горѣлъ чуть замѣтный огонекъ, тлѣла искра Божія.

Вѣра—огромная, необходимая, вѣра дѣтская по простотѣ и евангельская по непреклонности наполняла великую народную душу; вѣра въ Бога, въ торжество вѣчной правды

надъ мракомъ, злобою и человѣкомъ; а надежда на безконечное Божественное милосердіе, воплощеніе котораго народъ всегда видѣлъ въ лицѣ Скорбящей Богоматери и проявленіе чувствовалъ въ волѣ своихъ Самодержцевъ—Царей сдѣлала для этого «темнаго» народа все возможнымъ, все переносимымъ и легкимъ....

Русскій народъ всѣмъ сердцемъ постигъ тайну Божьяго домостроительства и недаромъ назвалъ свою землю: «домъ Пресвятой Богородицы».

Предъ всемогущей силой этихъ вѣры и надежды, неразрывно соединенныхъ вошедшей въ плоть и кровь русскаго народа христіанской любовью, никакая тьма, никакая ложь или даже суррогатъ истины устоять не могли:

«Нашихъ предковъ оживляла благодатная вѣры волна,
«Святъ Господь» ихъ шептали уста.

Звѣзды древнихъ святынъ и корана луна

Исчезали въ сіяньи креста!.... (А. А. Навроцкій).

Вотъ почему даже эти темныя страницы исторіи русскаго народа, эти мрачныя иллюстраціи его быта нисколько не ложатся пятномъ на его духовный обликъ, наоборотъ, онѣ какъ бы подчеркиваютъ необыкновенную духовную мощь этого народа, его удивительную моральную способность и безконечно-привлекательную нравственную красоту народа—Богоносца.

Иванъ Аносовъ.

104433/4

47334

